

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 4, Pp. 734–749, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 327.58

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-734-749

Турецкий фактор в уйгурском вопросе Китая

Давид Гургенович Бдоян¹, Татьяна Николаевна Литвинова²

- ¹ Одинцовский филиал Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (д. 3, ул. Новоспортивная, 143005 Одинцово, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент

 0000-0002-2810-3808. E-mail: [d.g.bdoyan\[at\]gmail.com](mailto:d.g.bdoyan[at]gmail.com)

- ² Одинцовский филиал Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (д. 3, ул. Новоспортивная, 143005 Одинцово, Российская Федерация)

доктор политических наук, доцент, профессор

 0000-0002-5382-3751. E-mail: [tantin\[at\]mail.ru](mailto:tantin[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Бдоян Д. Г., Литвинова Т. Н., 2024

Аннотация. Введение. В последнее время активизируется критика китайского руководства по вопросу ситуации в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Ряд исследований ООН, а также негосударственных организаций обвиняют КНР в нарушении прав уйгурского населения. Западные государства используют данную проблему как инструмент политического давления на КНР. В то же время реакция на данные события руководства Турции — государства, которое позиционирует себя как лидера «тюркского мира» — остается сдержанной. *Материалы и методы.* В рамках статьи, опираясь на методологию интернационализации (расширения) этнического конфликта и структурно-реалистический подход в теории международных отношений, авторы определяют главные факторы внешнеполитического курса Турции по проблеме уйгуров. В работе использованы методы исторического и ситуационного анализа, проведен анализ документов и заявлений лиц, принимающих решения, мониторинг СМИ для определения наиболее конфликтных моментов турецко-китайских отношений и их причин. *Результаты.* В данном исследовании посредством исторического и ситуационного анализа выявлено, что турецкое руководство ведет двойственную политику по вопросу нарушения прав мусульманского населения Синьцзян-Уйгурского автономного района, являющуюся отражением противоречия между «неоосманским» видением роли Турции в современном мировом порядке и необходимостью проведения прагматичного внешнеполитического курса в духе политического реализма. Учитывая возвышающуюся роль КНР в современной системе международных отношений и ее закрепление в качестве одного из ключевых центров силы в формирующемся многополярном мире, Турция отказывается от активной критики в адрес китайского руководства. *Выводы.* В качестве основных факторов двойственности позиции Турции в отношении уйгурской проблемы в КНР выявлены: с одной стороны, «неоосманские» амбиции страны и поддержка уйгуров в общественном сознании, а с другой стороны, беспрецедентный валютно-финансовый кризис в Турции, необходимость поиска иностранных инвестиций в страну, участие в китайской инициативе «Один пояс — один путь» и военно-техническое сотрудниче-

ство между Турцией и Китаем. Результаты исследования показывают приверженность турецкого руководства традиционным принципам политического реализма, согласно которым главными национальными интересами государства являются обеспечение безопасности населения и стабильности экономического развития страны.

Ключевые слова: Синьцзян-Уйгурский автономный район, уйгуры, турецко-китайские отношения, «неоосманизм», «тюркский мир»

Для цитирования: Бдоян Д. Г., Литвинова Т. Н. Турецкий фактор в уйгурском вопросе Китая // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 4. С. 734–749. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-734-749

The Turkish Factor in China's Uyghur Question

David G. Bdoyan¹, Tatiana N. Litvinova²

¹ Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Odintsovo Branch (3, Novosportivnaya St., 143005 Odintsovo, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

0000-0002-2810-3808. E-mail: d.g.bdoyan[at]gmail.com

² Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Odintsovo Branch (3, Novosportivnaya St., 143005 Odintsovo, Russian Federation)

Dr. Sc. (Political Science), Associate Professor, Professor

0000-0002-5382-3751. E-mail: tantin[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Bdoyan D. G., Litvinova T. N., 2024

Abstract. Introduction. The situation in China's Xinjiang Uyghur Autonomous Region is drawing increased international attention. A number of UN reports and ones by non-governmental organizations accuse the PRC of violating the rights of the Uyghur population. Western powers tend to use the issue as a tool of political pressure on China. However, the reaction of Turkey — a nation that positions itself as leader of the 'Turkic world' — remains somewhat restrained. **Materials and methods.** The paper addresses the methodology of internationalization (expansion) of ethnic conflict and the structural realist approach in the theory of international relations to identify key factors of Turkey's foreign policy on the Uyghur agenda. The employed methods include those of historical and situational analysis, while the attempted insights into documents and statements of decision-makers coupled with mass media monitoring efforts seek to identify most conflictive aspects of Turkey-China relations and determine their causes. **Results.** The conducted historical and situational analyses reveal Turkey is pursuing an ambivalent policy on the issue of Muslims' violated rights in Xinjiang Uyghur Autonomous Region, which manifests the contradiction between the 'neo-Ottoman' vision of Turkey's role in the contemporary world order — and the need of a pragmatic foreign policy course in the spirit of political realism. Given China's role in the present-day system of international relations is actually increasing to shape a crucial center of power in the emerging multipolar world, Turkey restrains from any essential criticism towards the Chinese Government. **Conclusions.** The work identifies main factors behind Turkey's dual position on the Uyghur question in the PRC: the country's 'neo-Ottoman' ambitions and support for the Uyghurs in public consciousness — and the unprecedented monetary/financial crisis in Turkey, a need to seek foreign investment, participation in the Belt and Road Initiative, and military/technical cooperation with China. The study attests to the Turkish Government retains its commitment to the traditional principles of political realism basically aimed at ensuring national security and stability of economic development.

Keywords: Xinjiang Uyghur Autonomous Region, Uyghurs, Turkey-China relations, 'neo-Ottomanism', 'Turkic world'

For citation: Bdoyan D. G., Litvinova T. N. The Turkish Factor in China's Uyghur Question. *Oriental Studies*. 2024; 17 (4): 734–749. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-734-749

1. Введение

Сецессионные конфликты, сложные межэтнические отношения и религиозный экстремизм являются угрозами для многих полиэтнических государств. Китай, выступающий одним из центров современного трансформирующегося миропорядка, также очень чувствителен к национально-религиозным вопросам, особенно, когда помимо внутренней угрозы активизируются также внешние дестабилизирующие силы. К внешним угрозам относятся как возможное проникновение экстремистских групп из Центральной Азии, Ближнего Востока и Афганистана, так и позиция некоторых стран относительно внутривосточных национальных вопросов Китая. Речь, в частности, идет о Турции, которая в условиях нахождения у власти происламской Партии справедливости и развития (ПСР) и Президента Реджепа Тайипа Эрдогана с «неоосманскими», «пантюркистскими» взглядами приняла на себя роль покровителя как тюркоязычных народов, так и мусульман в целом.

Самым многочисленным тюркоязычным народом Китая являются уйгуры, компактно проживающие в крупнейшей по площади территориально-административной единице страны — Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР). СУАР граничит с Россией, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, Монголией, Афганистаном и Индией, включая территории штатов Джамму и Кашмир, контролируемые Пакистаном. Границы этого района совпадают с историческим Восточным Туркестаном, который является также родиной уйгуров и многих других тюркоязычных народов: узбеков, киргизов, казахов, татар и саларов, а также монголов. Имея большую численность, уйгуры оказывают серьезное влияние на эти народы.

В условиях повышенного давления на КНР со стороны государств Запада по вопросу соблюдения прав человека на территории СУАР, а также активизации турецкой внешней политики в духе «неоосманизма»

и «пантюркизма» представляется важным рассмотреть политику Турции по отношению к уйгурскому населению КНР.

2. Материалы исследования

Интернационализация (расширение) внутрисосударственного этнического конфликта исследуется в рамках теории этнополитических конфликтов и тесно связана с концептом идентичности. Этническая идентификация, согласно Дж. Ротшильду, может определяться одним из шести критериев: расой, генетическим родством народов, религией, языком, традиционным образом жизни и региональной принадлежностью [Rothschild 1981: 11]. Находя у себя один или несколько признаков этнического родства с меньшинством, проживающим даже в относительном географическом удалении, нация-государство может встать на защиту этого меньшинства. Вовлечение иностранного государства во внутренний конфликт может быть объяснено инструменталистскими или аффективными мотивами [Carment et al. 2009: 69]. Инструментальные мотивы участия иностранных государств в этническом конфликте включают: политические и экономические соображения, внутреннюю политику и военные интересы. Однако инструментальный подход не всегда способен объяснить мотивы вмешательства. Иногда вмешательство элиты иностранного государства также пронизано мощным аффективным компонентом, который включает в себя: ощущение исторической несправедливости, общую идентичность, религиозную близость, общие идеологические принципы или расово-культурную близость с этническим меньшинством. Аффективные мотивы могут также включать гуманитарные соображения без привязки к этнической близости [Regan 2002: 48]. Даже когда вмешательство в конфликт аффективно мотивировано, если вариант дорогостоящий, иностранные элиты пытаются продемонстрировать солидарность с этническим меньшинством, используя недорогие варианты. Государства могут быть вовлечены в этнические конфликты

за рубежом, применяя политическое или дипломатическое давление, особенно когда они либо не желают, либо не способны предоставлять ресурсы [Carmentet et al. 2009: 70]. Например, относительно недорогими и вряд ли приводящими к существенным изменениям в расстановке сил являются следующие формы вовлечения: выражение озабоченности гуманитарной проблемой; призыв к урегулированию конфликта между центральным правительством и этническим меньшинством путем переговоров; четкое заявление, что сепаратисты имеют право на самоопределение; наконец, признание сепаратистского движения как государства [Heraclides 1991: 48]. В настоящее время этнический конфликт в Синьцзян-Уйгурском автономном районе находится на подъеме, а развитие его международного измерения не способствует разрешению конфликта. В рамках статьи, опираясь на методологию интернационализации (расширения) этнического конфликта и структурно-реалистический подход в теории международных отношений, мы определим главные факторы внешнеполитического курса Турции по проблеме уйгуров.

В качестве материалов для исследования привлекается широкий круг источников: во-первых, отчеты международных независимых экспертов ООН [Xinjiang report 2022] и доклад Верховного Комиссара ООН по правам человека относительно ситуации в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) [Доклад ООН 2022]; во-вторых, данные статистики, например о численности уйгуров в Китае [Xinjiang Population 2021]; в-третьих, результаты опросов общественного мнения турецкого населения по проблемам отношений с Китаем, проведенные исследовательским центром Пью «Pew Research Center» (США) в 2015 г. [Global Ratings 2015] и Istanbul Ekonomi Araştırma (Турция) в 2020 г. [China is Playing 2022]. Кроме того, в статье использовались материалы различных информационных агентств и СМИ, таких как: «Anadolu», «South China» «Morning Post», «China Daily», «New York Times», «Reuters», «Asia Times», «Al Jazeera». Наибольший вклад в изучение проблем уйгурского населения Китая внесли такие зару-

бежные исследователи, как: [Clarke 2011; Zang 2015; Zenz 2018; Chen 2021] и др. Проблемы взаимоотношений Турции и Китая по уйгурскому вопросу рассматривались в работах российских [Мехдиев 2016; Товсултанов и др. 2021; Третьяк 2022], а также турецких авторов [Çakırer-Özservet 2015; Bonnenfant 2020; Bonnenfant 2022; Köprülü 2021].

В работе использованы методы исторического и ситуационного анализа, осуществлен анализ документов и заявлений лиц, принимающих решения, мониторинг СМИ для определения наиболее конфликтных моментов турецко-китайских отношений и определения их причин.

3. История уйгурского населения СУАР

Территория современного СУАР вошла в состав Китая в середине XVIII в. Однако спустя столетие, воспользовавшись восстанием мусульман, местное тюркоязычное население смогло добиться фактической независимости. В результате были образованы разрозненные города, которые в 1860 г. предводитель уйгуров Магомет Якуб бек Бадаулет объединил в единое государство под названием Йеттишар (в переводе — «Семиградье»). Это государство просуществовало около 15 лет, и сразу после подавления мусульманского восстания снова было присоединено к Китаю и переименовано в Синьцзян (в переводе с китайского — «Новая граница»). Единственной территорией Синьцзяна, которую Китай не контролировал, был Илийский край, входивший с 1871 г. в состав Российской империи. Однако в 1881 г., согласно Петербургскому договору, он был передан Китаю, взамен на выплаты за управление территорией в течение 10 лет [Kamalov 2016: 183].

В начале XX в. стремление уйгуров к политической независимости получило дополнительный стимул, что было связано как с проникновением в регион пантюркистских идей из Турции, так и с революцией 1917 г. Так, позиции местных тюркоязычных народов серьезно усилились из-за переселения в данный район части мусульманского населения Центральной Азии и начала басма-

ческого движения, представители которого прятались в Синьцзяне и оттуда совершали свои набеги. Помимо этого, создание руководством Советского Союза среднеазиатских республик являлось важным прецедентом для уйгур, которые надеялись получить если не независимость, то хотя бы автономию в составе Китая.

В середине XX в. уйгуры дважды получили независимость и дважды ее потеряли. В 1933 г. была образована Тюркская Исламская Республика Восточного Туркестана или Республика Уйгуристан со столицей в Кашгаре. Не просуществовав и года, республика подверглась совместному нападению со стороны гоминьдановского Китая и СССР. Мотивацией И. В. Сталина в тот момент было не допустить распространения протестного потенциала тюркского народа на среднеазиатские республики СССР. Аналогичная ситуация произошла в 1944 г., когда после продолжительных протестов уйгурского народа была провозглашена новая Восточно-Туркестанская Республика. Изначально уйгуры достигли договоренности с гоминьдановским Китаем о создании коалиционного правительства, но на фоне продолжавшихся поражений Гоминьдана на всех фронтах Восточно-Туркестанская Республика вела все более независимую политику. В то же время существование независимого уйгурского государственного образования не было в интересах ни СССР (по вышеупомянутой причине), ни Китая [Hayit 1971: 308–340].

В 1949 г., после победы коммунистической партии Китая над гоминьдановцами, произошло вхождение Синьцзяна в состав КНР. В Конституции КНР 1954 г. есть пункт, в котором говорится, что «Китайская Народная Республика является единой многонациональной страной, и региональная автономия должна быть на практике в тех областях, где проживают меньшинства» [Rong 2006: 94]. 1 октября 1955 г. в составе Китайской Народной Республики был образован Синьцзян-Уйгурский автономный район.

Подавленное с первых дней существования КНР этническое самосознание уйгуров резко пробудилось с началом Культурной революции, целью которой было искоре-

нить все, что являлось «классовым противоречием». С 1966 г. по 1976 г. в Синьцзяне не предпринимались радикальные способы устранения старых обычаев и религиозных практик этнического меньшинства: преследовались священнослужители, закрывались мечети и уничтожались религиозные книги, что вызвало возрождение этнического самосознания уйгуров и негодование против ханьского большинства [Clarke 2011: 65–70].

После 1978 г. Пекин стремился решить уйгурский вопрос посредством более толерантной культурной и экономической политики. Уйгурам была предоставлена определенная степень свободы в плане религиозного и культурного самовыражения. Также применялась политика преференций в таких областях, как прием в школу, трудоустройство и продвижение по службе, а также региональная инфраструктурная поддержка [Zang 2015: 109–111]. Правительство надеялось, что экономический рост сгладит межэтнические противоречия и будет способствовать укреплению национального единства. Однако, несмотря на динамичное экономическое развитие Синьцзян-Уйгурского автономного района, этническая напряженность сохранялась.

Автономные районы современного Китая определяются, главным образом, с учетом концентрации проживающих меньшинств, независимо от того, составляют ли они большинство или меньшинство в этих регионах. Например, в 2000 г. монголы составляли 15 % от общей численности населения Автономного района Внутренняя Монголия. Система была создана для того, чтобы группы меньшинств играли ведущую роль и управляли своими делами в автономных регионах. Закон об автономии национальных меньшинств в Китайской Народной Республике был принят Всекитайским собранием народных представителей в 1984 г. Он содержит подробные положения, касающиеся управления, юрисдикции, образования, вопросы религии и культуры в автономных районах.

Главные должностные лица правительственных подразделений на всех уровнях администрации должны назначаться или избираться из представителей основного

этнического меньшинства. На самом деле секретари Коммунистической партии всех уровней избирались в основном из ханьского большинства. По сути, в этом плане КПК следовала опыту СССР, где для поддержания баланса сил между административной системой и КПСС, а также единой власти через партийную систему первый секретарь в автономной республике был русским [Rong 2006: 97].

В 1980–1990-е гг. ситуация усугубилась в связи с массовым притоком ханьцев, занимавших рабочие места в горнодобывающей отрасли и, по сути, взявших под контроль экспорт нефти и газа из СУАР. Развитию гармоничных отношений между ханьским большинством и уйгурским меньшинством во многом препятствовали слабые межэтнические контакты, а также религиозная идентичность (большинство уйгуров идентифицирует себя как мусульмане-сунниты) и сепаратистские настроения последних. Нынешние «пантюркизм» и «панисламизм» появились в Синьцзян-Уйгурском автономном районе в конце XX в., когда на политическую сцену вышли сепаратисты, пропагандирующие ислам и использование уйгурского языка с целью создания теократического государства «Восточный Туркестан». Пропаганда этого так называемого государства стала политическим инструментом и программой сепаратистов и антикитайских сил, пытающихся расколоть Китай. Ощущение эксплуатации уйгуров, подогреваемое давлением с целью языковой и культурной ассимиляции, привели к росту демонстраций и восстаний. Например, 5 июля 2009 г. вспыхнули массовые беспорядки в Урумчи, в которых приняли участие до 3 000 человек [Chen 2021: 234]. Крайними проявлениями этого конфликта также стали теракты в Куньмине (1 марта 2014 г.) и Урумчи (22 мая 2014 г.), которые оказали долговременное влияние на отношения между этническими группами [Huang et al. 2020: 128].

Национальное правительство начало предпринимать меры по «деэкстремизации» населения региона, запустив в 2013 г. соответствующую программу перевоспитания «проблемных людей». Например, в новостном репортаже в августе 2014 г. о работе по

«деэкстремизации» в округе Кагилик (Ечэн), регионе с уйгурским большинством в южной префектуре Кашгар Синьцзяна, описывалась программа по перевоспитанию, которой были подвергнуты 259 «проблемных людей», прошедших до 10 дней тренировок «закрытого типа». Мероприятия включали дискуссии, написание личных размышлений и просмотр обучающих видеороликов [Zenz 2018: 113]. Программа перевоспитания быстро превратилась в сеть баз, была создана трехуровневая система (город, округ, поселок / деревня) «трансформации через воспитание». «Проблемные люди», не достигшие «трансформации», передавались на базу более высокого уровня. Подлежащие перевоспитанию делились на группы от А до D в зависимости от идеологических отклонений: от 4 дней (D) для тех, кто подвергся легкому воздействию экстремистских идей, до 20 дней (A) для упорно протестующих. Согласно отчетам местных органов власти в 2015–2016 гг., успешность таких воспитательных мер варьировалась от 85 % до 91 %.

В 2016 г. новым секретарем партии в СУАР стал Чэнь Цюаньго, имевший репутацию руководителя, достигшего значительных успехов в секьюритизации Тибетского автономного района. 29 марта 2017 г. правительством СУАР была принята Директива № 14, согласно которой центры перевоспитания могли располагаться в существующих центрах для содержания под стражей преступников, в центрах подготовки полицейских или вновь построенных объектах. Точных данных по количеству интернированных уйгуров, подвергшихся системе перевоспитания, нет, но по различным косвенным данным и свидетельствам правозащитников Эндрю Зенц говорит о примерно 1 млн человек (до 11,5 % взрослого населения СУАР) [Zenz 2018: 116, 122].

В настоящее время население Синьцзян-Уйгурского автономного района составляет около 25 млн, примерно 12 млн из которых уйгуры [Xinjiang Population 2021]. Зарубежная диаспора уйгуров, согласно данным «Всемирного уйгурского конгресса», насчитывает около 500–600 тыс. человек, примерно 60 тыс. из которых проживают в Турции [Bonnenfant 2022].

4. Турция и проблемы уйгуров

Турок и уйгуров объединяют тесные этнические, языковые и культурные связи. Уйгуры считаются потомками древних тюркских племен, проживавших на территории Кавказа и Средней Азии [Qidi et al. 2017: 2572].

До начала 1990-х гг. Турция оставалась центром деятельности уйгурской диаспоры за рубежом. После захвата территории Восточного Туркестана коммунистическими силами Китая, большие потоки уйгуров переместились сначала в Пакистан и Индию, а затем в 1952 г. были приняты в Турцию в качестве оседлых иммигрантов [Çakirer-Özservet 2015: 68]. В те времена в Турции уйгуры получали достаточно масштабные льготы, поэтому именно там были заложены основы деятельности уйгурской диаспоры под руководством Мухаммада Эмина Богры и Исы Юсуфа Альптекина — главных лидеров первой волны иммиграции. В Турции, таким образом, процветала издательская деятельность уйгуров (выпускались журналы «Туркестан», «Голос Туркестана» и «Голос Восточного Туркестана»), а также происходила постепенная институционализация деятельности диаспоры (в 19600 г. была создана Ассоциация иммигрантов Восточного Туркестана, а в 1978 г. — Фонд Восточного Туркестана) [Bonnenfant 2020: 111–112].

В 1990-х гг. наступил новый этап отношений между Турцией и уйгурами, который характеризовался гораздо большей противоречивостью. Учитывая этническую и культурную близость турок и уйгур, последние стали частью новой стратегии «неоосманства», современной внешней политики Турции. Зарождение данной стратегии как поиска преемственности между Османской империей и современной Турцией произошло во время президентства Тургута Озала (1989–1993 гг.). Именно тогда Турция начала вести более активную внешнюю политику как в сопредельных регионах, так и в так называемом «тюркском мире». Президент Турции Т. Озал назвал XXI век «веком турок» и провозгласил, что «тюркский мир должен стать доминирующий фактором от Балкан до Великой Китайской стены» [Мехдиев 2016: 33]. Таким образом, еще в начале

1990-х гг. стали слышны первые заявления о стремлении к интеграции с уйгурами со стороны турецкого руководства.

Турецко-китайские отношения прошли через ряд кризисов, связанных с политикой китайского руководства по отношению к мусульманскому населению Синьцзян-Уйгурского автономного района. В 1994 г., будучи мэром Стамбула, Р. Т. Эрдоган назвал небольшой парк в центре города именем И. Ю. Альптекина — одного из лидеров уйгурского движения в изгнании, который бежал в Турцию после присоединения территории Синьцзяна к КНР [Duerkop 2020: 9]. Тогда же Р. Т. Эрдоган заявил следующее: «Восточный Туркестан — родина тюрков, колыбель тюркской истории, цивилизации и культуры. Забыв это, мы забудем наши корни, попадем в пучину невежества. Мученики Восточного Туркестана — наши мученики» [Shichor 2009: 2].

Следует отметить, что внешняя политика Турции всегда была зависима от позиции Вооруженных сил страны, особенно в период возвращения Турции к «неоосманской» политике [Dorronsoro, Gourisse 2015: 609]. Этим объясняется отказ турецкого руководства от поддержки уйгурского населения после визита командующего военно-воздушными силами (далее — ВВС) Турции Х. Бурхана в КНР, в ходе которого был подписан ряд двусторонних соглашений на общую сумму около 43 млн долл. США по совместному производству ракет и передаче со стороны Китая технологий для производства ракет малой дальности [Kaya 2013: 7]. В 1998 г. турецкое руководство выпустило секретный указ всем государственным ведомствам прекратить участие в любых мероприятиях по уйгурскому вопросу и прекратить практически все мероприятия в Турции по поддержке мусульманского населения Восточного Туркестана [Söylemez 2017: 4]. Годом позже были арестованы активисты «Организации освобождения Восточного Туркестана» — организации, которую КНР считает террористической.

Именно тогда происходит смещение центра уйгурской диаспоры из Турции в Европу. На протяжении 1990-х гг. с уходом лидеров первой волны уйгурской иммиграции обозначились их преемники — Энвер Альп-

текин (сын И. Ю. Альптекина), Энвер Джан, Асгар Джан и Омер Канат — они в 1999 г. создали Восточно-Туркестанский союз в Мюнхене (Германия). Уйгурские диаспоры стали развиваться в Германии, Нидерландах, Бельгии, Скандинавских странах [Emet 2009: 108–109]. В это же время происходит смещение акцентов в определении идентичности уйгур. Если раньше они делали акцент на этничность и ислам, то теперь на первый план выходят вопросы нарушения прав человека и критика КНР. Все данные факторы способствовали отдалению уйгуров от Турции в ответ на укрепляющиеся отношения между Турцией и КНР [Özcan 2020: 13].

14 февраля 2000 г. Турция и КНР подписали Соглашение о сотрудничестве по вопросу противодействия транснациональной преступности, что фактически означало отказ турецкой стороны от поддержки каких-либо уйгурских движений [Doyon 2011: 76]. Впоследствии страны объявили об установлении «привилегированного партнерства», в результате чего значительно повысились политические и экономические контакты. В 2002 г. заместитель премьер-министра Турции Девлет Бахчели, одновременно являющийся председателем Партии националистического движения, во время визита в Синьцзян-Уйгурский автономный район назвал уйгурский вопрос «мостом» между двумя странами, а не проблемой двусторонних отношений [Schichor 2009: 47].

Следующий виток напряженности в турецко-китайских отношениях по вопросу уйгуров наступил в 2009 г. во время массовых беспорядков в Урумчи, столице СУАР, которые были подавлены силами Народной вооруженной милиции Китая. В результате столкновений с правительственными силами погибло 197 человек и еще более 1,6 тыс. человек ранено [Hu, Lei 2009]. В связи с этим в Турции начались протесты против политики Китая, а премьер-министр Р. Т. Эрдоган сделал несколько неудачных попыток вынести данный вопрос на рассмотрение в Совете Безопасности ООН и прокомментировал эти события следующим образом: «Мы затрудняемся понять власти Китая, остающиеся

безучастными к событиям в Синьцзяне... Происходящие в Китае события — это геноцид» [Турецкий премьер 2009].

Решение данной проблемы было найдено по линии сотрудничества двух стран в военной сфере. В 2010 г. китайские ВВС приняли участие в военных учениях «Анатолийский орел», что послужило началом новому этапу сотрудничества между двумя странами — «стратегическому партнерству» [US Questions 2010]. Страны договорились об увеличении торгового оборота до 50 млрд долл. США к 2015 г., а китайская сторона предоставила инвестиции для строительства высокоскоростной железной дороги Анкара-Стамбул [Interesse 2022]. В 2012 г. Р. Т. Эрдоган в рамках своего визита в Китай посетил город Урумчи, тем самым став первым турецким премьер-министром, посетившим СУАР. В целом данный визит привел к нормализации турецко-китайских отношений после событий 2009 г.

Следующая вспышка напряженности произошла в 2015 г., когда в ответ на информацию о том, что китайские власти притесняют уйгуров в месяц Рамадан, турецкие националисты устроили погромы китайских заведений и начали избивать азиатских туристов [China says 2015]. Президент Турции Р. Т. Эрдоган успешно дистанцировался от протестов, в результате чего отношения с Китаем остались стабильными.

Сотрудничество между двумя странами перешло в экономическую и инфраструктурную сферу, в результате чего недопонимания по уйгурскому вопросу ушли на второй план. Следует отметить, что экономики КНР и Турции крайне не подходят друг другу: КНР нуждается в стабильных поставках углеводородов, а Турция практически их не экспортирует, в результате чего торговые отношения остаются достаточно асимметричными. Тем не менее Турция имеет высокий транзитный потенциал для реализации китайской инициативы «Один пояс — один путь». Еще в 2015 г. на саммите «Группы двадцати» в Анталии КНР и Турция договорились о развитии инфраструктуры «Срединного коридора», который включает в себя железную дорогу Баку – Тбилиси – Карс, а также высокоскоростную железную

дорогу, соединяющую Восток и Запад Турции [Yang 2015]. В настоящее время продолжается модернизация всех маршрутов для увеличения поставок из КНР в Европу через территорию Турции.

Таким образом, инфраструктурное сотрудничество с КНР становится одним из основных факторов периодического игнорирования проблемы уйгуров со стороны Турции. В 2017 г. между Турцией и КНР был подписан Договор об экстрадиции, который вызвал негативный отклик среди турецких уйгуров. В 2020 г. китайская сторона ратифицировала Договор, но турецкая сторона так и не сделала этого, в результате чего он так и не вступил в силу [Köprülü 2021: 86]. С момента подписания Договора было выпущено несколько исследований, проведенных ООН, о нарушениях прав человека в Синьцзян-Уйгурском автономном районе.

В 2018 г. панель экспертов ООН заявила о наличии достоверной информации о том, что более миллиона уйгуров содержались в так называемых «лагерях перевоспитания», где их заставляли отказываться от ислама [Cumming-Bruce 2018]. Годом позже, в феврале 2019 г., появились сообщения о смерти в результате пыток в одном из «лагерей перевоспитания» уйгурского поэта и музыканта Абдурехима Хейита, известного выступлениями на традиционном среднеазиатском инструменте — дутаре. После этого события Министерство иностранных дел Турции назвало политику КНР по отношению к уйгурам «позором для человечества» и «системной ассимиляцией», а также призвало китайское руководство «уважать фундаментальные права человека и закрыть концентрационные лагеря» [Shame for humanity 2019].

В сентябре 2022 г. Совет по правам человека ООН опубликовал экспертное заключение, в котором также описываются нарушения прав человека со стороны китайских властей в отношении уйгурского населения [Xinjiang report 2022]. В декабре 2022 г. министр иностранных дел Турции призвал КНР к сотрудничеству по вопросу мусульманского населения СУАР. Он указал на договоренности с председателем КНР Си Цзиньпином об обеспечении доступа посла

Турции в СУАР для оценки обстановки в регионе. Противоречие лежит в том, что КНР настаивает на том, чтобы визит турецкого посла следовал программе, которую составит для него китайское руководство, что совершенно не устраивает турецкую сторону, которая не желает становиться «инструментом китайской пропаганды» [Aydogan 2022].

5. Факторы двойственности политики Турции

Следует отметить, что спустя 30 лет после провозглашения «неоосманской» доктрины Турции руководство страны все еще не выработало последовательной линии по вопросу защиты мусульманского населения СУАР. Становление КНР как одного из важнейших центров силы в будущем многополярном мире, взаимовыгодное сотрудничество между странами и участие Турции в общекионтинентальной интеграции в рамках инициативы КНР «Один пояс — один путь» ставит страну в двойственное положение, где стремление к лидерству в «тюркском мире» входит в противоречие с традиционными постулатами политического реализма.

С одной стороны, Турция позиционирует себя как центр «тюркского мира». Еще в начале XXI в. будущий министр иностранных дел Ахмет Давутоглу разработал новый внешнеполитический курс страны в постбиполярной системе [Третьяк 2022: 109]. Считалось, что в начале прошлого века с приходом к власти Мустафы Кемаля Ататюрка Турция отказалась от своего османского прошлого и стала классическим государством-нацией. А. Давутоглу предлагал вернуть Турцию к своему историческому прошлому, что должно было открыть перед страной «новые горизонты и возможности». Спустя пару месяцев после вступления А. Давутоглу на должность министра иностранных дел в 2009 г. был создан Тюркский совет, в который вступили Азербайджан, Казахстан и Киргизия (позже присоединился Узбекистан). В 2021 г. совет был преобразован в Организацию тюркских государств.

Возвращение «османизма» наблюдается и во внутренней политике страны. Дж. Эрдем обозначил данное явление как «ottomentality», т. е. «османское мышление»

[Erdem 2017: 710]. Данный феномен выражается в росте влияния Стамбула как экономического и политического центра страны в противовес Анкаре, возвращении Айя-София (храму Святой Софии) статуса мечети, а не музея, а также в культурной политике Турции и ее «мягкой силе», которая транслируется через фильмы и сериалы, наиболее популярным из которых является «Великолепный век» [Товсултанов и др. 2021: 231].

Отход Турции от кемализма в ее внешней политике подразумевает более активную защиту народов, населяющих пространство «тюркского мира». В данной связи защита уйгуров рассматривается как неотъемлемая часть внешнеполитической стратегии страны в духе «неоосманизма».

К тому же опросы общественного мнения показывают широкое недовольство Китаем среди турецкого населения. Опрос, проведенный американским исследовательским центром Пью «Pew Research Center» в 2015 г., показывает, что только 18 % турок позитивно относятся к КНР (предпоследнее место среди 38 государств мира, список замыкает Япония) и около 59 % относятся негативно [Global Ratings 2015]. Опрос турецкого агентства Istanbul Ekonomi Araştırma, проведенный в 2020 г., подтвердил данные результаты: 61 % турок негативно относятся к КНР и только 11 % — позитивно [China is Playing 2022]. Проблема уйгуров имеет неоспоримое влияние на восприятие Китая турецкими гражданами. Общественное давление на власти не оставляет руководству страны другого выбора, кроме как защищать мусульманское население СУАР.

С другой стороны, Турция вступила в беспрецедентный по своим масштабам экономический кризис, по причине которого ее возможности на международной арене ограничены. В связи с падением курса турецкой лиры до исторического минимума и рекордными показателями инфляции, Турция крайне заинтересована в инвестициях в свою экономику. В июле 2023 г. министр иностранных дел КНР Ван И пообещал своему турецкому коллеге Х. Фидану обеспечить рост инвестиций китайских компаний в турецкую экономику в рамках инициативы «Один пояс — один путь» [Liang 2023].

Несмотря на валютно-финансовый кризис, экспорт турецкой продукции увеличился вдвое по сравнению с уровнем до пандемии COVID-19. Это объясняется ростом импорта из КНР оборудования, вторсырья и полуфабрикатов, и экспорта уже готовой продукции в Европу. Таким образом, турецкое производство превращается в транзитный пункт между Востоком и Западом, в результате чего экспорт Турции крайне зависит от импорта из КНР [Goldman 2022]. В данном контексте турецкому руководству трудно отстаивать независимую позицию по проблемам уйгуров.

Более того, для Турции крайне важно военно-техническое сотрудничество с КНР. Как было показано выше, армия играет крайне важную роль в процессе принятия решений в стране, и все «потепления» в турецко-китайских отношениях сопровождались подписанием ряда контрактов в военно-технической сфере. В июле 2023 г. в Стамбуле прошла Международная выставка оборонной промышленности, которую посетило рекордное число китайских инвесторов, вследствие чего следует ожидать укрепления связей между КНР и Турцией в оборонно-промышленном комплексе [Chan 2023]. Повышенное влияние вооруженных сил в процессе принятия решений в Турции затрудняет поддержку уйгурского населения.

Наконец, Турция — ключевое государство в рамках инициативы «Один пояс — один путь». На фоне того, как КНР становится важным центром силы в многополярном мире, турецкому руководству становится все труднее идти против его евразийских инициатив. Как было указано выше, КНР реализует ряд проектов на территории Турции, включая функционирование «Срединного коридора», который обеспечивает поставки товаров с Востока на Запад. Турецкой экономике крайне выгодны инвестиции китайских компаний в инфраструктурные проекты, такие как модернизация железнодорожного сообщения по маршруту с Востока на Запад страны [Ağirman 2022: 257]. К тому же Турция долгое время стремится вступить в Шанхайскую организацию сотрудничества, в результате чего ей необходимо минимизировать конфликтные точки с КНР и Россией [Turkey's

Erdogan 2022]. В данном контексте защита мусульманского населения СУАР сталкивается с рядом проблем, которые заключаются в важности построения конструктивного диалога с КНР с учетом ее повышающейся роли в мировой иерархии.

6. Заключение

В результате проведенного исследования выявлено, что позиция турецкого руководства по вопросу мусульманского населения СУАР имеет двойственный характер.

«Неоосманские» амбиции Турции в новой системе международных отношений подталкивают ее к защите уйгурского населения как одной из частей «тюркского мира». Отход от кемалистских идей способствует возвращению страны к «османскому мышлению» и подразумевает ответственность страны за настоящее и будущее всех тюркских народов по всему миру. Более того, общественное мнение страны крайне позитивно относится к уйгурам и критично оценивает политику КНР, в результате чего руководство страны сталкивается с серьезным общественным давлением. В данной связи турецко-китайские отношения периодически переживают конфликтные моменты, которые связаны с эскалациями ситуации на территории СУАР, как это было в 2009 г., в связи с подавлениями протестов в г. Урумчи, и в 2019 г., в связи со смертью поэта и музыканта Абдурехима Хейита. В настоящее время на повестке дня стоит визит турецкого посла в СУАР, детали которого обсуждаются уже на протяжении пяти лет.

В то же время стремление турецких властей защитить уйгурское население сталкивается с новой ролью КНР в современном мировом порядке. Стремительный рост

Китая как «великой державы» XXI в. способствует построению совершенно иных связей с ближайшими соседями и всеми государствами мира. Турецкое руководство в лице Р. Т. Эрдогана стремится занять прагматичную позицию по отношению к сотрудничеству с КНР для обретения необходимых для страны выгод, в особенности на фоне беспрецедентного валютно-финансового кризиса. Китайская инициатива «Один пояс — один путь» предоставляет Турции доступ к инвестициям со стороны китайских компаний, благодаря которым турецкая экономика получает огромный транзитный потенциал на пути с Востока на Запад. К тому же, учитывая роль военного лобби в стране, крупномасштабные контракты в сфере военно-технического сотрудничества между КНР и Турцией предотвращают возможность поддержки последней уйгурского населения на территории СУАР.

Таким образом, стремление Турции к лидерству в «тюркском мире» сталкивается с вызовами политического реализма в новой геополитической реальности. Учитывая экономические трудности, с которыми сталкивается страна, и огромную выгоду от подписания контрактов с китайскими инвесторами, турецкое руководство стремится к проведению прагматичного внешнеполитического курса, нацеленного на обеспечение стабильности развития государства и безопасности жизни граждан. В данной связи идеи «пантюркизма», «неоосманизма» и защиты «тюркского мира» оказываются второстепенными по сравнению с традиционными фундаментальными национальными интересами в духе политического реализма.

Литература и источники

Доклад ООН 2022 — Доклад ООН: КНР несет ответственность за «серьезные нарушения прав человека» в провинции Синьцзян [электронный ресурс] // UN News. 2022. URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/08/1430722> (дата обращения: 15.03.2024).

Мехдиев 2016 — Мехдиев Э. Т. «Неоосманизм» в региональной политике Турции // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 2. Т. 47. С. 32–39. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-2-47-32-39

References and sources

UN Report: PRC responsible for 'notable human rights violation' in Xinjiang. On: UN News. 2022. Available at: <https://news.un.org/ru/story/2022/08/1430722> (accessed: 15 March 2024). (In Russ.)

Mehdiyev E. T. "Neo-Ottomanism" in the regional policy of Turkey. *MGIMO Review of International Relations*. 2016. Vol. 47. No. 2. Pp. 32–39. (In Russ.) DOI: 10.24833/2071-8160-2016-2-47-32-39

- Товсултанов и др. 2021 — *Товсултанов Р. А., Товсултанова М. Ш., Галимова Л. Н.* Турецкая политическая доктрина «неоосманизма»: между символическим и реальным содержанием // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10. № 4. С. 230–234. DOI: 10.17816/snv2021104216
- Третьяк 2022 — *Третьяк С. С.* Концепция Ахмета Давутоглу «Стратегическая глубина»: теория и практика // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2022. № 2. С. 109–123.
- Турецкий премьер 2009 — Турецкий премьер сравнил беспорядки в Синьцзяне с геноцидом [электронный ресурс] // РИА Новости. 2009. 10 июля. URL: <https://ria.ru/20090710/176941567.html> (дата обращения: 15.10.2023).
- Ağırman 2022 — *Ağırman E.* The Belt Road Initiative: Prospects and Threats for Turkish Economy // *Social Sciences Studies Journal*. 2022. Vol. 8. Iss. 94. Pp. 256–265. DOI: 10.26449/sss.3792
- Aydoğan 2022 — *Aydoğan M.* China's 'unease' over Türkiye's support for Uyghur has hurt ties: Foreign Minister Cavusoglu [электронный ресурс] // Anadolu. 2022. 29 December. URL: <https://www.aa.com.tr/en/turkiye/chinas-unease-over-turkiyes-support-for-uyghur-has-hurt-ties-foreign-minister-cavusoglu/2775432> (дата обращения: 15.10.2023).
- Bonnenfant 2020 — Bonnenfant Isık Kescu. Türkiye ve Dünyada Uygur Diasporası // *Türkiye Günlüğü*. 2020. Sayı. 143. Yaz. Pp. 110–119.
- Bonnenfant 2022 — Bonnenfant Işık Kuşçu. Stateless Diasporas and China's Uyghur Crisis in the 21st Century // *Oxford Research Encyclopedia of International Studies*. 2022. URL: <https://oxfordre.com/internationalstudies/view/10.1093/acrefore/9780190846626.001.0001/acrefore-9780190846626-e-751> (дата обращения: 15.10.2023). DOI: 10.1093/acrefore/9780190846626.013.751
- Çakırer-Özservet 2015 — *Çakırer-Özservet Y.* Zeytinburnu'nda Doğu Türkistan Türklerinin Ulusötesi Bellek Eklemlenmesi [электронный ресурс] // *Marmara Üniversitesi Siyasal Bilimler Dergisi*. 2015. Cilt 3. Sayı 1. Pp. 59–80. DOI: 10.14782/SBD.2015112078
- Carment et al. 2009 — *Carment D., James P., Taydas Z.* The Internationalization of Ethnic Conflict: State, Society, and Synthesis // *International Studies Review*. 2009. Vol. 11. No. 1. Pp. 63–86. DOI: 10.1111/j.1468-2486.2008.01825.x
- Tovsultanov R. A., Tavsultanova M. Sh., Galimova L. N. Turkish political doctrine of «neo-Ottomanism»: Between symbolic and real content. *Samara Journal of Science*. 2021. Vol. 10. No. 4. Pp. 230–234. (In Russ.) DOI: 10.17816/snv2021104216
- Tretyak S. S. Concept “strategic depth” by Ahtem Davutogly: Theory and practice. *Proceedings of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political Science. Cultural Studies*. 2022. No. 2. Pp. 109–123. (In Russ.)
- Turkish Prime Minister compares disturbances in Xinjiang to genocide. On: RIA Novosti. Posted on 10 July 2009. Available at: <https://ria.ru/20090710/176941567.html> (accessed: 15 October 2023). (In Russ.)
- Ağırman E. The Belt Road Initiative: Prospects and threats for Turkish economy. *Social Sciences Studies Journal*. 2022. Vol. 8. No. 94. Pp. 256–265. (In Eng.) DOI: 10.26449/sss.3792
- Aydoğan M. China's ‘unease’ over Türkiye's support for Uyghur has hurt ties: Foreign Minister Cavusoglu. On: Anadolu. Posted on 29 December 2022. Available at: <https://www.aa.com.tr/en/turkiye/chinas-unease-over-turkiyes-support-for-uyghur-has-hurt-ties-foreign-minister-cavusoglu/2775432> (accessed: 15 October 2023). (In Eng.)
- Bonnenfant I. K. Uyghur diaspora in Turkey and worldwide. *Türkiye Günlüğü*. 2020. No. 143 (Summer). Pp. 110–119.
- Bonnenfant I. K. Stateless diasporas and China's Uyghur crisis in the 21st century. On: *Oxford Research Encyclopedia of International Studies*. 2022. Available at: <https://oxfordre.com/internationalstudies/view/10.1093/acrefore/9780190846626.001.0001/acrefore-9780190846626-e-751> (accessed: 15 October 2023). (In Eng.) DOI: 10.1093/acrefore/9780190846626.013.751
- Çakırer-Özservet Y. Transnational memory articulation of the East Turkestan Turks in Zeytinburnu. *Marmara Üniversitesi Siyasal Bilimler Dergisi*. 2015. Vol. 3. No. 1. Pp. 59–80. (In Turk.) DOI: 10.14782/SBD.2015112078
- Carment D., James P., Taydas Z. The internationalization of ethnic conflict: State, society, and synthesis. *International Studies Review*. 2009. Vol. 11. No. 1. Pp. 63–86. (In Eng.) DOI: 10.1111/j.1468-2486.2008.01825.x

- Chan 2023 — *Chan M.* China Cautiously Eyes Defence Production Opportunities With NATO Member Turkey [электронный ресурс] // South China Morning Post. 2023. 20 July. URL: <https://www.scmp.com/news/china/military/article/3228264/china-cautiously-eyes-defence-production-opportunities-nato-member-turkey> (дата обращения: 15.10.2023)
- Chen 2021 — *Chen J. Y.-W.* Ethnic Conflict in Xinjiang and Its International Connections // *The Routledge Handbook of Race and Ethnicity* / ed. by M. Weiner. London: Taylor & Francis Group, 2021. Pp. 231–243. DOI: 10.4324/9781351246705
- China is Playing 2022 — China is Playing by Turkey's Media Rules [электронный ресурс] // Carnegie Endowment for International Peace. 2022. 9 November. URL: <https://carnegieendowment.org/2022/11/09/china-is-playing-by-turkey-s-media-rules-pub-88368> (дата обращения: 15.10.2023).
- China says 2015 — China says no 'Uighur problem' after Turkey protests [электронный ресурс] // Al Jazeera. 2015. 6 July. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2015/7/6/china-says-no-uighur-problem-after-turkey-protests> (дата обращения: 15.10.2023).
- Clarke 2011 — *Clarke M. E.* Xinjiang and China's Rise in Central Asia: A History. 2011. London: Routledge. 224 p.
- Cumming-Bruce 2018 — *Cumming-Bruce N. U. N.* Panel Confronts China Over Reports That It Holds a Million Uighurs in Camps [электронный ресурс] // New York Times. 2018. 10 August. URL: <https://www.nytimes.com/2018/08/10/world/asia/china-xinjiang-un-uighurs.html> (дата обращения: 15.10.2023)
- Dorransoro, Gourisse 2015 — *Dorransoro G., Gourisse B.* The Turkish Army in Politics // *Revue Française de Science Politique*. 2015. Vol. 65. No. 4. Pp. 609–631. DOI: 10.3917/rfsp.654.0609
- Doyon 2011 — *Doyon J.* Xinjiang and Sino-Turkish Ties // *China Perspectives*. 2011. No. 1. Pp. 75–76. DOI: 10.4000/chinaperspectives.5470
- Duerkop 2020 — *Duerkop C.* Turkey-China Relations: Closer Yet Apart [электронный ресурс] // EAI Background Brief. 2020. No. 1526. URL: <https://research.nus.edu.sg/eai/wp-content/uploads/sites/2/2020/12/EAIBB-No.-1526-Contemporary-Turkey-China-relations-2.pdf> (дата обращения: 15.10.2023).
- Emet 2009 — *Emet Erkin.* 5 Temmuz Urumçi Olayı ve Doğu Türkistan. Ankara: Grafiker Yayınları, 2009. 173 p.
- Chan M. China cautiously eyes defence production opportunities with NATO member Turkey. On: South China Morning Post. Posted on 20 July 2023. Available at: <https://www.scmp.com/news/china/military/article/3228264/china-cautiously-eyes-defence-production-opportunities-nato-member-turkey> (accessed: 15 October 2023). (In Eng.)
- Chen J. Y.-W. Ethnic conflict in Xinjiang and its international connections. In: Weiner M. (ed.) *The Routledge Handbook of Race and Ethnicity*. London: Taylor & Francis Group, 2021. Pp. 231–243. (In Eng.) DOI: 10.4324/9781351246705
- China is playing by Turkey's media rules. On: Carnegie Endowment for International Peace. Posted on 9 November 2022. Available at: <https://carnegieendowment.org/2022/11/09/china-is-playing-by-turkey-s-media-rules-pub-88368> (accessed: 15 October 2023). (In Eng.)
- China says no 'Uighur problem' after Turkey protests. On: Al Jazeera. Posted on 6 July 2015. Available at: <https://www.aljazeera.com/news/2015/7/6/china-says-no-uighur-problem-after-turkey-protests> (accessed: 15 October 2023). (In Eng.)
- Clarke M. E. Xinjiang and China's Rise in Central Asia: A History. London: Routledge, 2011. 224 p. (In Eng.)
- Cumming-Bruce N. U. N. Panel confronts China over reports that it holds a million Uighurs in camps. On: New York Times. Posted on 10 August 2018. Available at: <https://www.nytimes.com/2018/08/10/world/asia/china-xinjiang-un-uighurs.html> (accessed: 15 October 2023). (In Eng.)
- Dorransoro G., Gourisse B. The Turkish Army in politics. *Revue Française de Science Politique*. 2015. Vol. 65. No. 4. Pp. 609–631. (In Eng.) DOI: 10.3917/rfsp.654.0609
- Doyon J. Xinjiang and Sino-Turkish ties. *China Perspectives*. 2011. No.1. Pp.75–76. (In Eng.) DOI: 10.4000/chinaperspectives.5470
- Duerkop C. Turkey-China Relations: Closer Yet Apart (EAI Background Brief 1526). On: National University of Singapore, East Asian Institute. Posted on 24 April 2020. Available at: <https://research.nus.edu.sg/eai/wp-content/uploads/sites/2/2020/12/EAIBB-No.-1526-Contemporary-Turkey-China-relations-2.pdf> (accessed: 15 October 2023). (In Eng.)
- Emet E. The 5th July Incident in Ürümqi and Eastern Turkestan. Ankara: Grafiker Yayınları, 2009. 173 p. (In Turk.)

- Erdem 2017 — *Erdem C. Y.* Ottomentality: Neoliberal Governance of Culture and Neo-Ottoman Management of Diversity // *Turkish Studies*. 2017. Vol. 18. No. 4. Pp. 710–727. DOI: 10.1080/14683849.2017.1354702
- Global Ratings 2015 — Global Ratings for China [электронный ресурс] // Pew Research Center. 2015. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2015/06/23/global-publics-back-u-s-on-fighting-isis-but-are-critical-of-post-911-torture/bop-report-14/> (дата обращения: 15.10.2023).
- Goldman 2022 — *Goldman D.* Crisis-Hit Turkey Survives as Extension of China // *Asia Times*. 2022. URL: <https://asiatimes.com/2022/02/crisis-hit-turkey-survives-as-an-extension-of-china/> (дата обращения: 15.10.2023).
- Hayit 1971 — *Hayit B.* Türkistan Rusya ile Çin Arasında. Ankara: OTAĞ YAYINLARI, 1971. 458 p.
- Heraclides 1991 — *Heraclides A.* The Self-Determination of Minorities in International Politics. Portland, OR: Frank Cass, 1991. 291 p.
- Hu, Lei 2009 — *Hu Yinan, Lei Xiaoxun.* Urumqi Riot Handled ‘Decisively, Properly’ [электронный ресурс] // *China Daily*. 2009. 18 July. URL: https://www.chinadaily.com.cn/china/2009-07/18/content_8444365.htm (дата обращения: 15.10.2023).
- Huang et al. 2020 — *Fei H., Kuankuan S., Mingjie Z., Stathi S., Vezzali L.* Can interethnic contact between majority (Han) and minority (Uyghur) people in China influence sense of Chinese national Community? The role of positive and negative direct, extended and vicarious intergroup contact // *International Journal of Intercultural Relations*. 2020. Vol. 77. Pp. 125–139. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2020.05.008
- Interesse 2022 — *Interesse G.* China-Türkiye: Bilateral Trade and Future Outlook [электронный ресурс] // *China Briefing*. 2022. 23 August. URL: <https://www.china-briefing.com/news/china-turkey-bilateral-trade-and-investment-profile/> (дата обращения: 15.10.2023).
- Kamalov 2016 — *Kamalov A.* Birth of Uyghur National History in Semirech’ye // *Oriente Moderno*. 2016. Vol. 96. No. 1. Pp. 181–196. DOI: 10.1163/22138617-12340099
- Kaya 2013 — *Kaya K.* Turkey and China: Unlikely Strategic Partners [электронный ресурс] // Foreign Military Studies Office. FMSO Monographs. 2013. 16 p. URL: <https://community.apan.org/wg/tradoc-g2/fmso/m/fmso-monographs/200396> (дата обращения: 15.10.2023).
- Köprülü 2021 — *Köprülü T.* Legal Assessment of the Extradition Treaty Between Turkey and the People’s Republic of China [электронный ресурс] // *Journal of Penal Law and Criminology*. Istanbul University Press. 2021. Vol. 9. No. 1. Pp. 85–133.
- Erdem C. Y. Ottomentality: Neoliberal governance of culture and neo-Ottoman management of diversity. *Turkish Studies*. 2017. Vol. 18. No. 4. Pp. 710–727. (In Eng.) DOI: 10.1080/14683849.2017.1354702
- Global Ratings for China. On: Pew Research Center. 2015. Available at: <https://www.pewresearch.org/global/2015/06/23/global-publics-back-u-s-on-fighting-isis-but-are-critical-of-post-911-torture/bop-report-14/> (accessed: 15 October 2023). (In Eng.)
- Goldman D. Crisis-hit Turkey survives as extension of China. On: *Asia Times*. 2022. Available at: <https://asiatimes.com/2022/02/crisis-hit-turkey-survives-as-an-extension-of-china/> (accessed: 15 October 2023). (In Eng.)
- Hayit B. Turkestan: Between Russia and China. Ankara: Otağ Yayinlari, 1971. 458 p. (In Turk.)
- Heraclides A. The Self-Determination of Minorities in International Politics. Portland, OR: Frank Cass, 1991. 291 p. (In Eng.)
- Hu Y., Lei X. Urumqi riot handled ‘decisively, properly’. On: *China Daily*. Posted on 18 July 2009. Available at: https://www.chinadaily.com.cn/china/2009-07/18/content_8444365.htm (accessed: 15 October 2023). (In Eng.)
- Huang F., Shi K., Zhou M., Stathi S., Vezzali L. Can interethnic contact between majority (Han) and minority (Uyghur) people in China influence sense of Chinese national Community? The role of positive and negative direct, extended and vicarious intergroup contact. *International Journal of Intercultural Relations*. 2020 (July). Vol. 77. Pp. 125–139. (In Eng.) DOI: 10.1016/j.ijintrel.2020.05.008
- Interesse G. China-Türkiye: Bilateral trade and future outlook. On: *China Briefing*. Posted on 23 August 2022. Available at: <https://www.china-briefing.com/news/china-turkey-bilateral-trade-and-investment-profile/> (accessed: 15 October 2023). (In Eng.)
- Kamalov A. Birth of Uyghur national history in Semirech’ye. *Oriente Moderno*. 2016. Vol. 96. No. 1. Pp. 181–196. (In Eng.) DOI: 10.1163/22138617-12340099
- Kaya K. Turkey and China: Unlikely strategic partners. On: Foreign Military Studies Office. FMSO Monographs. Posted on 21 August 2013. Available at: <https://community.apan.org/wg/tradoc-g2/fmso/m/fmso-monographs/200396> (accessed: 15 October 2023). (In Eng.)
- Köprülü T. Legal assessment of the Extradition Treaty between Turkey and the People’s Republic of China. *Journal of Penal Law and Criminology*. 2021. Vol. 9. No. 1. Pp. 85–133. (In Eng.)

- Liang 2023 — *Liang Xinlu*. China Pledges to Boost Imports, Encourage Firms to Invest in Turkey [электронный ресурс] // South China Morning Post. 2023. 27 July. URL: https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3229098/china-pledges-boost-imports-encourage-firms-invest-turkey?campaign=3229098&module=perpetual_scroll_0&pgtype=article (дата обращения: 15.10.2023).
- Özcan 2020 — *Özcan Yurter*. Doğu Türkistan & Uyğur Türkleri. Tarih, Kimlik ve Siyaset [электронный ресурс] // CHP ABD Temsilcisi. 2020. Ekim. Pp. 1–24. URL: https://cdn.odatv4.com/images2/2020_10/2020_10_09/chp_rapor.pdf (дата обращения: 15.01.2024)
- Feng et al. 2017 — *Feng Q., Lu Y., Ni X., Yuan K., Yang Y., Yang X., Liu C., Lou H., Ning Z., Wang Y., Lu D., Zhang C., Zhou Y., Shi M., Tian L., Wang X., Zhang X., Li J., Khan A., Guan Y., Tang K., Wang S., Xu S.* Genetic History of Xinjiang's Uyghurs Suggests Bronze Age Multiple-Way Contacts in Eurasia // *Molecular Biology and Evolution*. 2017. Vol. 34. No. 10. Pp. 2572–2582. DOI: 10.1093/molbev/msx177
- Regan 2002 — *Regan P.* Civil Wars and Foreign Powers: Interventions and Intrastate Conflict. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2002. 172 p. DOI: 10.3998/mpub.16706
- Rong 2006 — *Rong Ma*. Ethnic Relations in Contemporary China: Cultural Tradition and Ethnic Policies Since 1949 // *Policy and Society*. 2006. Vol. 25. No. 1. Pp. 85–108. DOI: 10.1016/S1449-4035(06)70128-X
- Rothschild 1981 — *Rothschild J.* Ethnopolitics: A Conceptual Framework. 1981. New York: Columbia University Press, 290 p.
- Schichor 2009 — *Schichor Y.* Ethno-Diplomacy: The Uyghur Hitch in Sino-Turkish Relations. East-West Center. Policy Studies 53. 2009. 85 p.
- Shame for humanity 2019 — ‘Shame for humanity’: Turkey urges China to close Uighur camps [электронный ресурс] // Al Jazeera. 2019. 10 February. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2019/2/10/shame-for-humanity-turkey-urges-china-to-close-uighur-camps> (дата обращения: 15.10.2023).
- Söylemez 2017 — *Söylemez M.* Turkey and China: An Account of a Bilateral Relations Evolution [электронный ресурс] // Asia Centre. DGRIS. Note d’actualité n°22/24 de l’Observatoire de la Chine, cycle 2017–2018, Décembre 2017. URL: https://asiacentre.eu/wp-content/uploads/2021/11/22-Söylemez-ChineTurquie_Dec2017.pdf (дата обращения: 15.10.2023).
- Liang X. China pledges to boost imports, encourage firms to invest in Turkey. On: South China Morning Post. Posted on 27 July 2023. Available at: https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3229098/china-pledges-boost-imports-encourage-firms-invest-turkey?campaign=3229098&module=perpetual_scroll_0&pgtype=article (accessed: 15 October 2023). (In Eng.)
- Yurter Ö. Eastern Turkestan and Uyghur Turks: History, Identity, Politics. Report. Washington: CHP ABD, 2020. 24 p. Available at: https://cdn.odatv4.com/images2/2020_10/2020_10_09/chp_rapor.pdf (accessed: 15 January 2024). (In Turk.)
- Feng Q., Lu Y., Ni X., Yuan K., Yang Y., Yang X., Liu C., Lou H., Ning Z., Wang Y., Lu D., Zhang C., Zhou Y., Shi M., Tian L., Wang X., Zhang X., Li J., Khan A., Guan Y., Tang K., Wang S., Xu S. Genetic history of Xinjiang's Uyghurs suggests Bronze Age multiple-way contacts in Eurasia. *Molecular Biology and Evolution*. 2017. Vol. 34. No. 10. Pp. 2572–2582. (In Eng.) DOI: 10.1093/molbev/msx177
- Regan P. Civil Wars and Foreign Powers: Interventions and Intrastate Conflict. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2002. 172 p. (In Eng.) DOI: 10.3998/mpub.16706
- Ma R. Ethnic relations in contemporary China: Cultural tradition and ethnic policies since 1949. *Policy and Society*. 2006. Vol. 25. No. 1. Pp. 85–108. (In Eng.) DOI: 10.1016/S1449-4035(06)70128-X
- Rothschild J. Ethnopolitics: A Conceptual Framework. New York: Columbia University Press, 1981. 290 p. (In Eng.)
- Schichor Y. Ethno-Diplomacy: The Uyghur Hitch in Sino-Turkish Relations (Policy Studies 53). Honolulu, HI: East-West Center, 2009. 85 p. (In Eng.)
- ‘Shame for humanity’: Turkey urges China to close Uighur camps. On: Al Jazeera. Posted on 10 February 2019. Available at: <https://www.aljazeera.com/news/2019/2/10/shame-for-humanity-turkey-urges-china-to-close-uighur-camps> (accessed: 15 October 2023). (In Eng.)
- Söylemez M. Turkey and China: An account of a bilateral relations evolution. On: Asia Centre. DGRIS. December 2017. Available at: https://asiacentre.eu/wp-content/uploads/2021/11/22-Söylemez-ChineTurquie_Dec2017.pdf (accessed: 15 October 2023). (In Eng.)

- Turkey's Erdogan 2022 — Turkey's Erdogan Targets Joining Shanghai Cooperation Organisation, Media Reports Say [электронный ресурс] // Reuters. 2022. 17 September. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/turkeys-erdogan-targets-joining-shanghai-cooperation-organisation-media-2022-09-17/> (дата обращения: 15.10.2023).
- Xinjiang Population 2021 — Xinjiang Population Dynamics and Data — September 2021 [электронный ресурс] // The State Council Information Office of the People's Republic of China. 2021-12-16. URL: http://zw.china-embassy.gov.cn/eng/zgj/202112/t20211216_10470540.htm (дата обращения: 15.10.2023).
- Xinjiang report 2022 — Xinjiang report: China must address grave human rights violations and the world must not turn a blind eye, say UN experts [электронный ресурс] // United Nations Office of the High Commissioner. United Nations. 2022. 7 September. URL: <https://www.ohchr.org/en/press-releases/2022/09/xinjiang-report-china-must-address-grave-human-rights-violations-and-world> (дата обращения: 15.10.2023).
- US Questions 2010 — US Questions Turkey's Military Exercise With China [электронный ресурс] // Atlantic Council. 2010. 1 October. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/natosource/us-questions-turkeys-military-exercise-with-china/> (дата обращения: 15.10.2023).
- Yang 2015 — Yang Y. Turkey to Get Railroads from China [электронный ресурс] // BRICS Information Sharing & Exchanging Platform. 2015. URL: <http://www.brics-info.org/turkey-to-get-railroads-from-china/> (дата обращения: 16.01.2024).
- Zang 2015 — Zang X. Ethnicity in China: A Critical Introduction. 2015. New York: Polity, 200 p.
- Zenz 2018 — Zenz A. 'Thoroughly reforming them towards a healthy heart attitude': China's political re-education campaign in Xinjiang // *Central Asian Survey*. 2018. Vol. 38. No. 1. Pp. 102–128. DOI: 10.1080/02634937.2018.1507997
- Turkey's Erdogan targets joining Shanghai Cooperation Organisation, media reports say. On: Reuters. Posted on 17 September 2022. Available at: <https://www.reuters.com/world/middle-east/turkeys-erdogan-targets-joining-shanghai-cooperation-organisation-media-2022-09-17/> (accessed: 15 October 2023). (In Eng.)
- Xinjiang Population Dynamics and Data. September 2021. On: The State Council Information Office of the People's Republic of China (website). Posted on 16 December 2021. Available at: http://zw.china-embassy.gov.cn/eng/zgj/202112/t20211216_10470540.htm (accessed: 15 October 2023). (In Eng.)
- Xinjiang report: China must address grave human rights violations and the world must not turn a blind eye, say UN experts. On: Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. Posted on 7 September 2022. Available at: <https://www.ohchr.org/en/press-releases/2022/09/xinjiang-report-china-must-address-grave-human-rights-violations-and-world> (accessed: 15 October 2023). (In Eng.)
- US questions Turkey's military exercise with China. On: Atlantic Council. Posted on 1 October 2010. Available at: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/natosource/us-questions-turkeys-military-exercise-with-china/> (accessed: 15 October 2023). (In Eng.)
- Yang Y. Turkey to get railroads from China. On: BRICS Information Sharing & Exchanging Platform. 2015. Available at: <http://www.brics-info.org/turkey-to-get-railroads-from-china/> (accessed: 16 January 2024). (In Eng.)
- Zang X. Ethnicity in China: A Critical Introduction. 2015. New York: Polity, 200 p. (In Eng.)
- Zenz A. 'Thoroughly reforming them towards a healthy heart attitude': China's political re-education campaign in Xinjiang. *Central Asian Survey*. 2018. Vol. 38. No. 1. Pp. 102–128. (In Eng.) DOI: 10.1080/02634937.2018.1507997

